

Знайте, что он погружен, как в сон,
В мысли про мысли о мыслях про имя...

Мысль ведь может затеряться среди предметов, заблудиться в лесу символов. Умберто Эко не без иронии писал, что, согласно законам герметизма, во всем мире, во всей вселенной не существует хотя бы одной единственной данности, не символизирующей иной данности. Да и практика (не теория!) марксистско-ленинской теории познания свидетельствует о том, что от абстрактного слишком часто восходят не к тому конкретному. Это я к тому, что еще неизвестно, какая задача сложнее, (и важнее?) выведение мышления из предметного действия или возвращение мышления и мысли к предметной действительности. За свободу мысли приходится расплачиваться.

* * *

Несколько слов в заключение. Вспоминая лекции П. Я. Гальперина, беседы с ним, перечитывая и вчитываясь в собранные и изданные, наконец, труды, видишь как он медленно, но верно приближался к пониманию «чуда мышления» (выражение А. Эйнштейна). Такое понимание, видимо, составляло главную цель его исканий, а может быть и жизни. По складу своего характера он был рационален, не сочувствовал спонтанности, страшился стихии. Ее вокруг него хватало с избытком. В то же время он понимал, что «планово-поэтапно» добраться до мысли едва ли удастся, о чем говорят приведенные выше более чем скептические суждения об экспериментальных методах и аппаратуре. П. Я. Гальперина мало устраивали простые решения и его собственная мысль постоянно вырывалась за пределы наблюдаемых этапов формирования умственных действий, за пределы типов ориентировки в сферы идеального, в сферы «чистой», свободной от предметного действия (и от социальных обстоятельств) мысли. Позиция строгого исследователя не могла сдерживать спонтанных, свободных интеллектуальных порывов, которые, к счастью, превращались в тексты. Ведь Гальперин определял мышление как деятельность, «чтобы узнать». И для этого он переставал ориентироваться на экспериментальные результаты и обращался к глубинам собственного духа, «чтобы найти». «Чтобы узнать» соответствует поэтическому: «И сладок нам лишь узнаванья миг» (О. Мандельштам). П. Я. Гальперин не мог отказать себе в «выпуклой радости узнаванья». Опыт-знание и опыт-позиция, хотя порой и вступали в противоречия, но, в конце концов, прекрасно дополняли друг друга.

Загадка творческого понимания: Штрихи к портрету Даниила Борисовича Эльконина

Имя, идеи, труды Д. Б. Эльконина широко известны не только в нашей стране. Вся его научная биография пришлась на период российской истории, которую А. М. Пятигорский в очаровательной книжечке «Философия одного переулка» охарактеризовал как «не сезон для мысли». Но живая мысль возникала, развивалась и в безвременье. Для артикуляции мыслей требовалось мужество или, — как скромно говорил Д. Б. Эльконин, — научный темперамент, которым он обладал в полной мере, хотя был «не сезон» и для личности.

Я не буду писать о вкладе Д. Б. Эльконина в науку и образование, в том числе и психологическое. Мне хочется написать о бытии ученого в условиях социалистического и идеологического общежития. Все нижеследующее основано на его рассказах и моих личных впечатлениях, кое-что на рассказах его друзей, прежде всего моего учителя А. В. Запорожца. Узнал я Д. Б. Эльконина, будучи еще студентом, в конце 1940-х годов, когда он хрипловатым голосом читал нам незабываемые лекции по психологии игры и детства. Затем я ближе познакомился с ним в лаборатории детской психологии НИИ психологии АПН РСФСР (ныне Психологического института РАО), руководимой А. В. Запорожцем. В этой же лаборатории работал Д. Б. Эльконин до тех пор, пока усилиями А. А. Смирнова не получил собственную лабораторию психологии младшего школьника. В эти годы у нас сложились теплые отношения, которые затем, несмотря на большую разницу в возрасте, переросли в дружбу. Думаю, что Д. Б. Эльконин перенес на меня часть своих дружеских симпатий к моему отцу П. И. Зинченко, как и я, в свою очередь, перенес свою любовь к Д. Б. Эльконину на его сына Б. Д. Эльконина, которого я знаю с детства. Мы с В. В. Давыдовым бывали в доме Эльконовых в Лефортове, где его семья жила на Красноказарменной улице в двух небольших комнатах, распо-

ложенных в хорошо известной советской коридорной (адекватно отражающей суть коммунально-социалистического бытия) системе. К счастью, этот быт не совпадал с бытием Д. Б. Эльконина и не определял его сознание.

Начало научной биографии Д. Б. Эльконина было счастливым. (По его словам, не только начало, но и вся его жизнь была тяжеловатой, но счастливой.) Вот его рассказ. После окончания Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена его привлекла физиология, и он пошел в лабораторию А. А. Ухтомского, чтобы поучиться у него. Едва ли молодой Эльконин представлял себе, что Ухтомский — великий физиолог. (Многие и сегодня в этом не убеждены.) В лаборатории он встретил пожилого человека в толстовке с окладистой бородой, которого принял за служителя. Спросив его, как найти профессора Ухтомского, он услышал в ответ: «Это я и буду». Профессор поручил Д. Б. Эльконину исследование локального действия постоянного электрического тока на спинномозговую иннервацию мышц. Сначала молодой сотрудник должен был провести опыты на пяти сотнях лягушек, затем прочесть более 1000 страниц текстов и, наконец, написать статью объемом в несколько страниц. Вскоре после публикации в английском физиологическом журнале появился отклик на статью, в котором было написано: «Как показано в классическом исследовании русского физиолога Д. Б. Эльконина...» Став «классиком», он оставил физиологию и начал совместную с Л. С. Выготским работу над проблемами детской игры. Думаю, что историкам психологии еще предстоит выяснить, какое влияние оказал ранний период ученичества Д. Б. Эльконина у А. А. Ухтомского на его дальнейшую научную биографию и, более широко, на корпус идей психологической теории деятельности. Об этом думаешь, когда вспоминаешь идеи А. А. Ухтомского о функциональных органах (новообразованиях). Он же писал и о доминантных (ведущих) деятельности человека. Идеи о новообразованиях и ведущей деятельности как основе науки о развитии ребенка всегда были центральными в творчестве Д. Б. Эльконина. Видимо, не без помощи А. А. Ухтомского Д. Б. Эльконин воспитал в себе «способность переключения в жизнь другого человека, способность понимания ближайшего встречного человека как конкретного, ничем не заменимого в природе самобытного существа»¹, одним словом, воспитал в себе «доминанту на лицо другого». Как и А. А. Ухтомский, он не принимал «индивидуалистического отношения к жизни, индивидуалистического миропонимания, индивидуалистической

¹ Ухтомский А. А. Парабиоз и доминанта // Ухтомский А. А. Избранные труды / Под ред. Е. М. Крепса. Л., 1978. С. 90.

науки»². Д. Б. Эльконин был совокупностью не всех общественных отношений, а, по его словам, лишь тех общественных отношений Людей, которые складывались в науке, в психологии, участником строительства которых он был. В начале 1930-х годов он получил (без защиты) свою первую кандидатскую ученую степень. Ему сопутствовали не только научные, но и административные успехи. Тогда же он стал заместителем директора по науке Ленинградского педологического центра, где при его участии была организована медико-психолого-педагогическая клиника для пациентов от рождения до студенческого возраста. В ней Д. Б. Эльконин начал реализацию программы, как теперь принято говорить, комплексных исследований детства. Впоследствии полушутя-полусерьезно он говорил о себе, что, став «классиком» и администратором в науке смолоду, на всю свою жизнь приобрел иммунитет к научному тщеславию и к административной карьере. Этим сомнительным вещам он предпочитал дело, которое делать ему чаще всего мешали, что не мешало ему всю жизнь помогать делать дело другим.

После трагично известного постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпроса» Центр, в котором работал Д. Б. Эльконин, закрыли, его лишили кандидатской степени, и он стал безработным с семьей на руках. И здесь произошло чудо. Он пришел на прием к секретарю Ленинградского обкома партии А. А. Жданову с просьбой разрешить ему работать хотя бы учителем начальной школы, учить детей грамоте. На вопрос секретаря, изменил ли он свои взгляды, Д. Б. Эльконин ответил, что он за ночь своих убеждений не меняет. Видимо, личность Д. Б. Эльконина произвела на А. А. Жданова такое сильное впечатление, что он дал разрешение. И тогда начался «букварный вектор» в научно-педагогической деятельности Д. Б. Эльконина — период изучения процесса овладения детьми чтением, письмом, период изучения устной и письменной речи младших школьников. Замечательным и неожиданным итогом этой работы было написание книги для чтения и букварей для народов Крайнего Севера с соответствующими указаниями учителю³. Много позже Д. Б. Эльконин написал букварь и для русской школы (1961, 1969, 1972). В то время возникший у него на всю жизнь интерес к проблеме психологии игры пришлось отложить до лучших (?) времен.

² Там же.

³ Эльконин Д. Б. Букварь: Учебник русского языка для мансийской начальной школы. Л., 1938; Эльконин Д. Б. Первая книга по русскому языку для школ народов Крайнего Севера. Л., 1946; Эльконин Д. Б. Русский язык: Учеб. пособие для II класса школ народов Крайнего Севера. М.; Л., 1979.

Работая учителем, Д. Б. Эльконин подготовил вторую кандидатскую диссертацию, защита которой состоялась накануне войны. Она проходила в его родном пединституте им. Герцена, проходила трудно (до 12 часов ночи) и закончилась отрицательным голосованием. Участвовавший в защите С. Л. Рубинштейн не мог простить соискателю упрека в свой адрес по поводу его вольного обращения с наследием Л. С. Выготского. Упрек был выражен со свойственной Д. Б. Эльконину горячностью и в далеких от парламентских выражениях. После этого отношения между С. Л. Рубинштейном и Д. Б. Эльконым навсегда остались более чем прохладными. Известие о том, что Д. Б. Эльконину все же присуждена кандидатская степень, нашло его на Ленинградском фронте. Спас его диссертацию А. А. Смирнов.

Воевал Д. Б. Эльконин, видимо, умело, о чем свидетельствуют боевые награды и звание майора, в котором он закончил войну. Приведу один эпизод из его военной жизни. Его вызывают в Особый отдел и спрашивают о национальности. Он говорит: еврей — и слышит в ответ, что все в порядке. У особистов, оказывается, возникло подозрение, не финн ли он, так как очень похожа фамилия — Эльконэн. Даниил Борисович, смеясь, говорил, что в этой стране ему один раз в жизни повезло, что он еврей. Но не надолго.

После войны он работал в подмосковном Военно-педагогическом институте Советской армии. В начале марта 1953 года за «космополитизм и недооценку учения Павлова» Ученый совет института второй раз лишил Д. Б. Эльконина кандидатской степени (кстати, не этим Ученым советом присвоенной) и уволил из армии. Были забыты боевые заслуги, вклад в подготовку кадров военных психологов (под руководством Д. Б. Эльконина защитили кандидатские диссертации адъюнкты этого института М. В. Гамезо, М. П. Коробейников, В. В. Офицеров, В. Ф. Рубахин). Забыта и личная трагедия: первая семья — жена и две дочери были эвакуированы из Ленинграда на Кавказ и там уничтожены фашистами. Ученый совет не мог простить Д. Б. Эльконину свободомыслия, таланта педагога. ВАК не утвердил решения совета, и Даниилу Борисовичу не пришлось в третий раз защищать кандидатскую диссертацию. Нужно вспомнить добрым словом А. А. Смирнова, обладавшего абсолютным чутьем к таланту и порядочности: он сразу же добыл штатную (и штатскую) единицу для ученого-воина, что было не только не просто, но еще и опасно.

Дальше начался вполне благополучный, по советским меркам, и хорошо известный период жизни и научной деятельности Д. Б. Эльконина. Во время оттепели — защита докторской диссертации (1962),

позднее — избрание членом-корреспондентом АПН СССР (1968), возврат к любимой проблематике детской игры, разработка теории учебной деятельности, возрастной периодизации детства, издание книг, создание собственной научной школы, международная известность, любовь да совет в новой семье, дружба и прощание с выготчанами, которые постепенно уходили из жизни. Было приятно видеть, каким счастьем лучились его глаза, когда он рассказывал о своем внуке. Его наблюдения за маленьким Андреем послужили основанием для превосходного эссе о генезисе предметного действия.

И все же, все же... С 1968 по 1984 год он так и оставался членом-корреспондентом АПН. Как правило, так называемые анонимные инстанции (секреты Полишинеля), в которых утверждались списки претендентов в академию были нетерпимы к широте взглядов, к научной принципиальности. Яркие личности им были не нужны. При этом Д. Б. Эльконину цинично говорили, что он (почему именно он?) должен уступать дорогу молодым, и заставляли академиков голосовать за себя и за своих выдвиненцев, например, за С. Михалкова — автора эпохального труда «Дядя Степа».

Даниил Борисович относился к этому достаточно спокойно и говорил, что П. Я. Гальперин не удостоился избрания даже в члены-корреспонденты. Это не беда. Его волновало то, что, несмотря на большие усилия, которые он прилагал вместе с А. В. Запорожцем, В. В. Давыдовым, ему так и не удалось создать Центр детства, подобный тому, каким он руководил в довоенные годы в Ленинграде.

Д. Б. Эльконина волновала судьба дошкольников-шестилеток, которых начали насильно гнать в школу. Волновала и ситуация в психологии, экстенсивность развития которой достигалась за счет падения профессионализма и перемены в которой он воспринимал с горечью. В оценках он не очень стеснялся: доставалось и старым, и новым лидерам (первых он называл боссами, вторых — босяками). И среди первых, и среди вторых он отчетливо различал тех, кто действительно любил науку, и тех, кто любил себя в науке.

Научный темперамент Даниила Борисовича, помимо мужества, включал в себя и научную щедрость. Он вынашивал идеи, но не мог долго носить их в себе. Он в полном смысле слова разбрасывал их, дарил экспериментальные замыслы. Мне тоже кое-что перепадало, начиная с моей экспериментальной кандидатской диссертации и кончая теоретическими упражнениями. Я, например, неоднократно использовал его замечательную идею о совокупном Я, которое лишь в процессе развития ребенка расщепляется на Я-Ты (ср. со ставшими известными и популярными ныне работами М. Бубера, посвященными «основному слову Я-Ты»).

Д. Б. Эльконин не страшился научного пиратства, говоря, что с идеей нужно украсть и голову, а это даже в такой бандитской стране, как наша, сложновато. Он был постоянен в привязанностях и в дружбе. Было трогательно наблюдать его взаимоотношения с Л. И. Божович, А. В. Запорожцем, П. Я. Гальпериным, А. Н. Леонтьевым, его пиетет к А. А. Смирнову, его заботу об учениках и сотрудниках и, вообще, его бесконечную доброту. Она не мешала Даниилу Борисовичу, как он говорил, «со всей большевистской откровенностью» высказываться по существу сделанного его коллегами. Он и сам не был чужд научной робости, но мне кажется, что он испытывал ее только перед двумя людьми — Б. М. Тепловым и П. Я. Гальпериным, да, пожалуй, еще перед памятью своего учителя Л. С. Выготского. Ему до последних лет жизни казалось, что он все еще не до конца понял учителя и недостаточно развил его учение. Я думаю, что Д. Б. Эльконин из всей плеяды выготчан наиболее органично соединял и развивал достижения культурно-исторической психологии и психологической теории деятельности. Для него любая форма деятельности, будь то общение, игра, учение, труд, выступала сначала исторически, культурно, а затем уже и структурно.

Даниил Борисович был необыкновенно цельной личностью и своей преданностью науке, принципиальностью, научными достижениями, талантом педагога оказал огромное влияние на многие поколения психологов. Он живет в памяти и в поступках тех, кто его знал и любил.

Свой последний научный доклад Д. Б. Эльконин сделал на ученом совете НИИ дефектологии АПН СССР, в мае 1984 года за несколько месяцев до своей кончины. Доклад (как и все заседание) был посвящен памяти его учителя и друга Л. С. Выготского. Д. Б. Эльконин начал доклад так: «при чтении и перечитывании работ Льва Семеновича <...> всегда возникает ощущение, что чего-то я в них до конца не понимаю. И я все время стараюсь найти и отчетливо сформулировать ту центральную идею, которая руководила им с самого начала его научной деятельности до самого ее конца»⁴. Замечу, что это постановка вопроса подлинно генетического психолога, старающегося добраться до корней, до сути и до смысла. Между прочим, именно этому Д. Б. Эльконин вместе с В. В. Давыдовым учили детей, называя это же формированием теоретического мышления.

⁴ Эльконин Д. Б. Об источниках неклассической психологии // Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М., 1989. С. 476.

Д. Б. Эльконин очень точно сформулировал свое непонимание: «Когда читаешь его последние работы, создается впечатление, что их внутренний скелет глубоко скрыт за Монбланом конкретных фактов, полученных в самых различных исследованиях, которые трудно соединить в нечто вполне целостное. Поэтому и хочется восстановить внутреннюю логику его жизни как исследователя, как ученого и определить, когда и как был сформулирован целостный скелет его подхода к психике человека»⁵. А вот объяснение Л. С. Выготским трудностей понимания его теории развития внешних психических функций (трудностей, которые испытывал не только Д. Б. Эльконин): «Есть два различных способа методологического оформления конкретных психологических исследований. При одном методологии исследования излагается отдельно от самого исследования, при другом она пронизывает все изложение. Можно было бы привести немало примеров того и другого. Одни животные — мягкотелые — носят свой костяк снаружи, как улитка раковину; у других скелет помещается внутри организма, образуя его внутренний остов. Второй тип организации представляется нам высшим не только для животных, но и для психологических монографий. Поэтому мы избрали именно его»⁶. Такой «высший тип организации» Л. С. Выготский избрал не только для психологической монографии «История развития высших психических функций», но и для изложения своего учения в целом. Восстановление невидимого скелета, действительно, трудная работа с негарантированным успехом. Поэтому до сего времени ведутся споры о том, в чем состоит его учение и даже о том, существует ли оно вообще как нечто целостное? Спасибо Б. Г. Мещерякову, который провел логико-семантический анализ концепции Л. С. Выготского и показал, что она удовлетворяет достаточно суровым требованиям нового типа анализа⁷. Наличие такого результата не отменяет вопросов, поставленных Д. Б. Эльconiным.

Если начать отсчет с 1931 года, т. е. со времени встречи Д. Б. Эльконина с Л. С. Выготским, то процесс понимания длился 53 года. Д. Б. Эльконин своим примером подтвердил сентенцию Вергилия — все может надоесть, кроме понимания, и, в конце концов, был вознагражден. Он вернул свой долг учителю, сформулировав центральную идею культурно-исторической психологии, и оставил ее нам. Суть его понимания состоит в том, что Л. С. Выготский в

⁵ Там же. С. 476.

⁶ Выготский Л. С. История развития высших психических функций // Выготский Л. С. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 3. М., 1983. С. 23.

⁷ Мещеряков Б. Г. Логико-семантический анализ концепции Л. С. Выготского. Самара, 1998.

«Психологии искусства» «создал основы совершенно новой, я бы сказал, неклассической психологии, сущность которой состоит в следующем. Первичные формы аффективно-смысловых образований человеческого сознания существуют объективно вне каждого отдельного человека, существуют в человеческом обществе в виде произведений искусств или в других каких-либо материальных творениях людей, т. е. эти формы существуют раньше, чем индивидуальные или субъективные аффективно-смысловые образования»⁸. Далее Д. Б. Эльконин называет признание объективного существования аффективно-смысловых образований вне и до индивидуального сознания чрезвычайным шагом в психологии. Здесь в этой формулировке (и в дальнейшем тексте!) все важно. Главное, что основной своей задачей Л. С. Выготский видел изучение человеческого сознания. И не менее важно, что такое аффективное сознание существует объективно. Невольно вспоминается Б. Пастернак:

Мирозданье — лишь страсти разряды,
Человеческим сердцем накопленной.

Искусство создает палитру человеческих чувств, которая несомненно избыточна для каждого отдельного человека, но, видимо, недостаточна для человечества в целом. Потом уже можно размышлять, исследовать, спорить, как происходит усвоение, присвоение (овладение) этих чувств индивидуальным сознанием: в содействии, в сочувствии, в сопереживании или в специальных формах эстетической деятельности. Это работа психологов, педагогов и самих художников.

Важно, что искусство признано «общественной техникой чувств», что «искусство есть социальное в нас, и если его действие совершается в отдельном индивидууме, то это вовсе не значит, что его корни и существо индивидуальны»⁹. «Переплавка чувств вне нас совершается силой социального чувства, которое объективировано, вынесено вне нас, материализовано и закреплено во внешних предметах искусства, которые сделались орудиями общества»¹⁰. Все эти положения Л. С. Выготского Д. Б. Эльконин приводит в другой статье, но также написанной после 1980 года¹¹. Комментируя эти положения, он пишет: «Таким образом, оказывается, что

⁸ Эльконин Д. Б. Об источниках неклассической психологии // Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М., 1989. С. 477.

⁹ Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1987. С. 238.

¹⁰ Там же. С. 239.

¹¹ См.: Эльконин Д. Б. Очерк научного творчества Л. С. Выготского // Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М., 1989. С. 412–413.

сформулированный Л. С. Выготским основной закон формирования специфически человеческих высших психических процессов, закон, согласно которому всякая высшая, собственно человеческая психическая функция первоначально существует во внешней интерпсихической форме и лишь затем в особом процессе интериоризации превращается в индивидуальную интрапсихическую, был первоначально намечен уже при объективном анализе произведений искусства, при выяснении общественной природы человеческих эмоций. В этом мы видим важнейшее значение для всех дальнейших исследований его работы по психологии искусства»¹².

Д. Б. Эльконин обращает внимание читателей на то, что Л. С. Выготский и позднее возвращался к проблематике природы человеческих аффектов: он специально анализировал взгляды Спинозы на соотношение аффекта и интеллекта. Замечу попутно, что в те годы Л. С. Выготский был не одинок. Трудно сказать, в соответствии ли с собственной логикой или под влиянием Л. С. Выготского С. М. Эйзенштейн «мысленно представлял тот период, когда будет создана развернутая культура основных законов создания выразительных форм, и когда ученый, как и художник, в равной степени смогут сознательно подойти к законам наивысшей выразительности, чтобы пользоваться и управлять ими. Нахождение этих законов и было основной целью жизни Эйзенштейна-мыслителя»¹³. Палитра чувств и партитура их выразительных средств — это предмет специальных размышлений. Оставим его и продолжим работу понимания, начатую Д. Б. Эльconiным.

Содержание человеческого сознания не ограничено миром аффективно-смысловых образований. Столь же объективно и вне индивидуального сознания существует мир языка, что задолго до Л. С. Выготского со всей категоричностью утверждал В. фон Гумбольдт. Л. С. Выготский соглашался с ним и называл язык идеальной формой или культурой, предстоящей ребенку, которую он должен сделать своей собственной реальной формой. Д. Б. Эльконин в целом ряде работ изучал этапы или стадии погружения ребенка в объективно существующий мир или, как он называл, в систему языка. Он выделял раннюю стадию понимания речи, затем стадию развития собственной активной речи ребенка. Особенно интересны его соображения относительно диалогического характера развития речи ребенка, когда диалог выступает частью совместной

¹² Там же. С. 414.

¹³ Лурия А. Р. Л. С. Выготский и его вклад в советскую психологическую науку // Лурия А. Р. Психологическое наследие. М., 2003. С. 282.

деятельности ребенка со взрослым. На основе диалога происходит активное овладение грамматическим строем родного языка. В связи с диалогом нужно высказать сожаление, что у Д. Б. Эльконина, впрочем, как и у Л. С. Выготского, не состоялся диалог с М. М. Бахтиным. Д. Б. Эльконин, в отличие от Ж. Пиаже, рассматривал диалог не как спор, а как взаимопонимание, как разъяснение с учетом точек зрения другого человека. От подобной трактовки диалога Д. Б. Эльконин, как и М. М. Бахтин, видел ход к проблеме сознания¹⁴. Эльконин прослеживал также постепенную автономизацию речи (и самого ребенка) от непосредственной связи с практической деятельностью и с наглядной ситуацией, в которой или по поводу которой происходит общение ребенка и взрослого¹⁵.

Д. Б. Эльконин излагает замечательные исследования игровой деятельности детей-дошкольников, выполненные участником Харьковской школы психологов Григорием Демьяновичем Луковым. К сожалению, его вклад в психологию оценен лишь в малой степени. В моей памяти сохранились возвышенные оценки его работ и научного потенциала, которые я слышал от П. Я. Гальперина, А. В. Запорожца, П. И. Зинченко, Д. Б. Эльконина. В 50-е годы мне довелось быть свидетелем нескольких очень теплых дружеских встреч между перечисленными лицами и Г. Д. Луковым. В «Научных дневниках» Д. Б. Эльконина 28 августа 1982 года сделана запись: «Вернуть к жизни Гришу Лукова...»¹⁶. Г. Д. Лукова и Д. Б. Эльконина связывала не только дружба. У них было много общего в судьбах. Оба — разносторонне одаренные — один в Ленинграде, другой в Харькове занимались проблемами игры и речи. Кандидатская диссертация Г. Д. Лукова называлась: «Об осознании ребенком речи в процессе игры (1937). Возможно, она имеется в архиве Д. Б. Эльконина (?). Оба ученых в 1941 году добровольцами пошли на фронт и начали войну рядовыми. Г. Д. Луков закончил войну полковником, Д. Б. Эльконин — майором. К сожалению, только Д. Б. Эльконин вернулся после войны к проблематике детской психологии, игры и речи дошкольников, а Г. Д. Луков остался в армии, преподавал военную психологию и написал соответствующий учебник.

Предложенная Г. Д. Луковым экспериментальная модель позволила представить изменения, происходящие в структуре связей

¹⁴ Эльконин Д. Б. Выдержки из научных дневников // Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М., 1989. С. 516.

¹⁵ Эльконин Д. Б. Развитие речи в раннем детстве // Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М., 1989. С. 367.

¹⁶ Эльконин Д. Б. Выдержки из научных дневников // Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М., 1989. С. 516.

между предметом, способом действия с ним и словом: «На наших глазах происходит, во-первых, отрыв способа употребления предмета от конкретной вещи, за которой этот способ первоначально закреплен, и, во-вторых, отрыв слова от предмета. На этой основе происходит как бы переворачивание структуры “действие-предмет-слово” в структуру “слово-предмет-действие”»¹⁷. За таким «переворачиванием» скрывается огромная работа по созданию того, что В. ф. Гумбольдт называл внутренней формой языка. Развивая идеи Гумбольдта, Г. Г. Шпет обосновывает концепцию внутренней формы слова. Он полагает, что в нее входят: предметный остов и динамические смысловые, логические формы. Я полагаю, что идеи Шпета коррелятивны тому, на чем настаивали Г. Д. Луков и Д. Б. Эльконин: «Каждое слово для ребенка как бы содержит в себе возможную систему действия, а тем самым и особенность того предмета или явления, к которому он (ребенок — В. З.) относит само слово. Связь слова и предмета и связь возможных действий со словом по своему содержанию, выступает для говорящего как образ действия с называемым предметом или явлением»¹⁸. И хотя Г. Д. Луков и Д. Б. Эльконин не пользовались понятием «внутренняя форма слова», их экспериментальные исследования переименования предметов в игровой ситуации следует рассматривать как первую плодотворную попытку проникновения в процесс ее становления. Интересно, что Л. С. Выготский в тех редчайших случаях, когда он использовал понятие внутренней формы слова, то понимал ее, вслед за А. А. Потемной, как образ. Но в контексте своих исследований взаимоотношений игры и речи он пришел к заключению, что между образом и предметом стоит действие. Именно это было показано в блестящих исследованиях Г. Д. Лукова, выполненных по предложенной им «методике двойного переименования» игровой функции предметов, а затем развито и обобщено Д. Б. Эльконым.

Ниже я вернусь к их исследованиям в связи с проблемой символической деятельности. А пока скажу, что подобная трактовка слова Г. Г. Шпетом, Г. Д. Луковым, Д. Б. Эльконым не только предвосхитила трактовку слова как действия, — в терминологии Дж. Остина, — перформатива, но и позволила представить себе хотя бы в общих чертах путь, на котором слово становится микроскопом человеческого сознания и бытия. Как оно приобретает такую власть над нами, что мы говорим: «Вначале было слово», и именно слово создает предмет, давая ему имя?

¹⁷ Эльконин Д. Б. Психология игры. М., 1978. С. 231–232.

¹⁸ Там же. С. 236.

Исследования Г. Д. Лукова и Д. Б. Эльконина подтвердили прогноз Л. С. Выготского: «Игра есть новый аспект в развитии речи: речь в ее аспекте, обращенном к развитию Welt (мира) вместо Um Welt (окружающая среда) и сознательной цели»¹⁹.

Д. Б. Эльконин не оставил своим вниманием и следующие стадии вхождения ребенка в мир языка. Он разрабатывал методы первоначального обучения детей чтению, создавал буквари, разрабатывал методы обучения детей устной и письменной речи. Здесь Д. Б. Эльконин обернул укоренившееся в педагогике представление о том, что обучение письменной речи должно находиться в прямой зависимости от устной. Он показал, что начало обучения письменной речи становится причиной дальнейшего развития речи устной²⁰. В книге «Развитие устной и письменной речи учащихся», подготовленной к изданию еще в 1940 году и изданной спустя почти шестьдесят лет, интересно обсуждаются *психологические* различия между устной и письменной речью, рассматривается *культура* той и другой, показано своеобразие учебных действий, необходимых для формирования такой культуры. Д. Б. Эльконин стремился понять письменную речь в качестве особого способа становления мысли. Он показал, что максимальные возможности произвольной речи обнаруживаются в свободном письме, а не в списывании и диктовке, которые тогда преобладали в обучении письменной речи младших школьников, а сегодня, кажется, уже преобладают у старших школьников и студентов, пользующихся Интернетом. Здесь же Д. Б. Эльконин обсуждает проблему автора и ориентацию его на читателя, нащупывает пути организации общения и совместной учебной деятельности в начальной школе.

Для дальнейшего важно подчеркнуть, что, изучая понимание речи, овладение ею, разрабатывая методы обучения чтению, устной и письменной речи, Д. Б. Эльконин опирался на идеи Л. С. Выготского и развивал культурно-историческую психологию. В частности, он создавал методы обучения, открывающие перед ребенком новые пути общения и способствующие переносу его мыслей, чувств и воли в гораздо более широкий мир социальной действительности, в мир культуры²¹.

Конечно, мы и сейчас можем обсуждать удобную для нерадивых педагогов, хотя и имеющую академический интерес, гипотезу Н. Хомского о врожденности лингвистических структур. Можем

¹⁹ Там же. С. 291.

²⁰ Эльконин Д. Б. Развитие устной и письменной речи учащихся. М., 1998. С. 6.

²¹ Там же. С. 104–105.

спорить и о том, как происходит усвоение языка, становится ли язык органом человека или человек — органом языка (это мотивы И. Бродского). Видимо, возможно и то, и другое, но главное, что язык как форма или содержание сознания (или и то, и другое вместе) существует объективно. Д. Б. Эльконин рассматривал слово не только в качестве посредника-медиатора, а видел за ним мир языка, что точно соответствовало тому, как Л. С. Выготский видел за объективно существующими аффективно-смысловыми образованиями мир искусства.

Не иначе обстоит дело и с мышлением. Тождество мышления и бытия утверждал Парменид, более того, он постулировал наличие теоретического мира, с чем соглашались Г. Г. Шпет²², К. Поппер и др. Д. Б. Эльконин, вслед за Л. С. Выготским заботился о формировании у ребенка теоретического отношения к действительности, о том, чтобы центральные новообразования школьного возраста, связанные с развитием интеллекта, — осознание и овладение психическими процессами — приходили «через ворота научных понятий»²³. Впоследствии ученик и сотрудник Д. Б. Эльконина В. В. Давыдов успешно реализовывал программу развития теоретического мышления у младших школьников.

²² Ретроспективное подтверждение существования и некоторых особенностей мира мышления можно найти у Г. Г. Шпета, который в статье «Мудрость или разум», написанной и впервые изданной в 1917 году, отметил (кстати, тоже ссылаясь на Парменида) важнейшую для философии идею о том, что есть не только мир идей, мир теории, но есть и укорененный в бытии мир смысла и мир мышления: «Философия как знание сознается тогда, когда мы направляем свою мысль на самое мысль. Бытие, как то, что есть, как истина, тогда изучается подлинно философски, когда наша рефлексия направляется на самую мысль о бытии. Ибо для мысли мысль открывается в себе самой, в своей подлинной сущности, а не как возникающее и преходящее, “нам кажущееся”, — здесь подлинно “незыблемое сердце совершенной Истины”. Бытие само по себе есть бытие, и только. Лишь через мысль бытие становится предметом мысли и, следовательно, предметом философии как знания. Нужно прийти к этому сознанию, что бытие философски есть через мысль, что предмет мысли и предмет бытия есть одно и то же, есть *один* предмет. “Одно и то же, — по Пармениду, — мышление и бытие”. Или он говорит еще яснее: “Одно и то же мышление и то, на что направляется мысль; и без сущего, в зависимости от которого высказывается мысль, ты не найдешь мышления”. Итак, не только предмет бытия для философии есть предмет мысли, но и мысль, на которую направляется философия, есть непременно мысль о предмете, и мысли “ни о чем”, следовательно, нет. Здесь у философии как знания — прочное и надежное начало». Шпет Г. Г. Мудрость или разум? // Шпет Г. Г. Philosophia Natalis. Избранные труды по философии культуры. М., 2006. С. 316–317.

²³ Эльконин Д. Б. Интеллектуальные возможности младших школьников и содержание обучения // Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М., 1989. С. 192, 196.

Когда в конце 1950-х годов Д. Б. Эльконин и В. В. Давыдов начинали работу по развитию теоретического мышления у детей, это был акт гражданского мужества, ибо развитие теоретического мышления отвращает от догматизма, пробуждает сомнение, а соответственно, и разум, избытка которого не наблюдается ни в каком обществе. Не случайно в начале 1980-х годов была сделана попытка со стороны Президиума АПН СССР запретить работы по развивающему обучению. Ученые устояли, но ущерб был огромен.

Мы можем заключить, что и в этой сфере Д. Б. Эльконин исходил из объективного существования мира мышления и искал пути не адаптации, а включения детей в новый мир, формирования у них соответствующих новообразований и эффективной интеллектуализации других психических функций.

Замечательные наблюдения относительно предпосылок к развитию теоретического мышления были в 1930-е годы сделаны А. В. Запорожцем и А. Н. Леонтьевым. А. В. Запорожец следующим образом описывал переход от интеллектуальных операций к интеллектуальным действиям: «Действие, бывшее раньше единым, как бы раскалывается на две части — теоретическую и практическую: осмысление задачи и ее практическое решение»²⁴. В «Методологических тетрадах» А. Н. Леонтьева мы читаем: «Как разумное содержание (действие в отношениях межпредметных) приводит к возникновению интеллектуального действия? Действие отделяется от субъекта как вещь, как орудие, или понятие. Разделяется собственно *подготовка* действия и само действие. Подготовка = приведение ситуации в соответствие со способом действия — орудием, понятием. Это теоретический интеллектуальный акт, который, становясь особым действием (разделение труда), становится теоретическим мышлением»²⁵. Значит, последователи Л. С. Выготского изучали не только субъективацию объективного (мышления), но и объективацию субъективного (порождение того же мышления из действия).

Конечно, по поводу мира мышления можно сказать, что после прогнозов В. И. Вернадского, П. Тейяра де Шардена о возникновении ноосферы, С. В. Мейена о будущей ноократии (власти разума) сомневаться в существовании мира мышления не приходится. Но ноосфера, как и духосфера в смысле П. А. Флоренского, слишком далека от человека. И та и другая ближе к космосу. К тому же они, во всяком случае пока, не состоялись. Более того, они, кажется, се-

²⁴ Запорожец А. В. Действие и интеллект // Запорожец А. В. Избранные психологические труды. В 2 т. Т. 1. М., 1986. С. 189.

²⁵ Леонтьев А. Н. Философия психологии. М., 1994. С. 191.

годня от нас даже дальше, чем в свое время были от авторов этих прогнозов. А мир мышления со всеми своими достоинствами и недостатками — это значительно более близкая к человеку реальность.

Здесь мы подходим к проблеме объективности мира деятельности и действий. Для аргументации этого положения нет нужды обращаться к античности. Д. Б. Эльконин пишет, что у ребенка уже к трем годам «появляется умение отделять самого себя от своих действий, на которое указывал еще И. М. Сеченов: «Когда ребенок на вопрос «Что делает Петя?» отвечает от себя совершенно правильно, т. е. соответственно действительности: «Петя сидит, играет, бегает», анализ собственной особы ушел у него уже на степень отделения себя от своих действий»²⁶. А. В. Запорожец по поводу аналогичных ситуаций в 1938 году писал, что действие становится как бы внешним объектом, даже внешним субъектом: «Каким образом может действие сделаться целью для другого действия? Каким образом действие может быть так отчуждено, что субъект начинает стремиться к нему, как к известной внешней вещи, внешнему предмету? ...Единственная возможность этого заключается в том, что действие *опредмечивается*, приобретает предметный характер. Тогда действие выступает перед ним, как внешний субъект, в котором действие овеществлено»²⁷.

Субъектность действия есть нечто большее, чем его предметность. Именно на этом настаивал Д. Б. Эльконин, вводя понятие «совокупного действия» — именно действия, осуществляемого ребенком со взрослым — именно совокупного, а не просто совместного действия. Он пишет, что на самых ранних этапах взрослый действует вместе с ребенком: «Здесь у ребенка вообще самостоятельных действий нет, так как взрослый действует руками ребенка (лишь постепенно вычлениются отдельные звенья, производимые собственно ребенком). Взрослый начинает действие, потом младенец его продолжает и вновь действует взрослый»²⁸. На основе идей Д. Б. Эльконина о совокупном действии, я предположил, что в качестве исходной единицы развития следует полагать не просто орудийное действие, а *совокупную деятельность*: «Совокупная деятельность “лепит” форму и содержание социальных и предметных действий индивида, — она становится базой для последующего

²⁶ Эльконин Д. Б. Развитие личности ребенка-дошкольника // Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М., 1989. С. 143.

²⁷ Запорожец А. В. Действие и интеллект // Запорожец А. В. Избранные психологические труды. В 2 т. Т. 1. М., 1986. С. 190.

²⁸ Эльконин Д. Б. Выдержки из научных дневников // Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М., 1989. С. 501.

развития и формирования как многообразных форм предметной деятельности, так и многообразных форм социальных действий и общения»²⁹. Б. Г. Мещеряков сравнил совокупную деятельность с онтогенетической Пангеей, из которой дифференцировались все континенты человеческого сознания и деятельности³⁰.

Д. Б. Эльконина волновала не столько интериоризация интерпсихического действия, сколько строение и порождающие свойства совокупного действия. В нем он видел искомое Л. С. Выготским единство аффекта и интеллекта: «Аффект — это ориентация на другого, социальный смысл. Интеллект — ориентация на реальные предметные условия осуществления действия»³¹. Благодаря этому действие ребенка, выделяясь и относительно автономизируясь от совокупного действия, приобретает рефлексивные черты, что дает дополнительные основания считать его не только единицей анализа психики, но и единицей ее развития.

В цитированной выше работе мы с Б. Г. Мещеряковым подчеркивали, что совокупная деятельность включает предметы, а нередко и орудия. Поэтому уже здесь встречается специфически человеческая среда развития если еще не деятельности, то прадеятельности (ср. «праязык» у Л. С. Выготского). Последняя (помимо предмета деятельности) объективно оказывается тройко опосредствованной: взрослым (медиатором, посредником), знаком (семиотическим артефактом) и орудием (техническим артефактом). Эта «святая троица» составляет фундамент исходной генетической единицы развития³². Последний аспект изучения совокупного действия интересно развивает Б. Д. Эльконин.

Многоликость действия, его субъектность, предметность, аффективность, рефлексивность представляют собой условия включения действия в осмысленную человеческую деятельность в качестве ее органического компонента. В контексте деятельности индивид, предмет, действие, слово, также рассматриваемое как действие, смыкаются в единое социокультурное и психофизическое образование. Впрочем, все сказанное не снимает проблематики

²⁹ Зинченко В. П., Смирнов С. Д. Методологические вопросы психологии. М., 1983. С. 139.

³⁰ Зинченко В. П., Мещеряков Б. Г. Совокупная деятельность как генетически исходная единица психического развития // Психологическая наука и образование. 2000. № 2. С. 87.

³¹ Эльконин Д. Б. Выдержки из научных дневников // Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М., 1989. С. 518.

³² Зинченко В. П., Мещеряков Б. Г. Совокупная деятельность как генетически исходная единица психического развития // Психологическая наука и образование. 2000. № 2. С. 92.

анализа живого движения (термин Н. А. Бернштейна) и условий его превращения в формы действия, каким бы последнее ни было: индивидуальным или совокупным.

Глубокие соображения по этому поводу высказывал Г. В. Ф. Гель: если растение, взаимодействуя с объектом, разрушает последний, то более высокая форма жизни характеризуется тем, что животное в процессе деятельности использует объект, оставляя его самим собою. Подобный тип «ассимиляции» объясняется тем, что живое движение подобно двуликому Янусу. Оно обладает не только энергией, силой, но и двумя видами чувствительности: к ситуации и к собственному исполнению. Поэтому движение — это не только «выход» из организма, но и «вход» в него. Собственно предметное действие — не только исполнение двигательной задачи, но и построение образа этого исполнения, построение образа действия, т. е. его же ментальной репрезентации и объективации.

Приведенные рассуждения относятся не только к действию, но и к деятельности. Д. Б. Эльконин сделал следующий шаг. Он убедительно показал двойную роль символизации в развитии игровой деятельности ребенка. Именно деятельности! Символизация вначале встречается при переименовании предмета. Это приводит к разрушению или по крайней мере к смятению жесткой фиксированности предметного действия, что создает потенциальную возможность впоследствии «встраивать» его (и себя!) в разные деятельности. Кроме того, символизация, по словам Д. Б. Эльконина, выступает как условие моделирования общего значения данного действия.

Затем символизация встречается при взятии на себя ребенком роли взрослого человека. И здесь обобщенность и сокращенность действий выступают как условия моделирования теперь уже социальных отношений между людьми в ходе их деятельности. Тем самым ребенок проясняет для себя человеческий смысл этой деятельности. Благодаря этому двойному плану «символизации», включает автор, действие включается в деятельность и получает свой смысл в системе межчеловеческих отношений³³.

Д. Б. Эльконин наметил решение одной из сложнейших проблем психологической теории деятельности. Многие справедливо говорили, что деятельность не складывается из действий. А. Н. Леонтьев настойчиво подчеркивал неаддитивность действий. Они действительно не аддитивны. Они должны *изменить* свои значения и смыслы и лишь таким образом «врасти» в деятельность или вы-

³³ Эльконин Д. Б. Психология игры. М., 1978. С. 245–246.

растить, породить ее. Таким образом, мы не только вновь подходим к объективации действия и деятельности, но и к проблеме порождения новых видов деятельности. Впрочем, никто из создателей или адептов психологической теории деятельности не сомневался в объективном, независимом от человека существовании мира деятельности. Максималист-методолог Г. П. Щедровицкий настаивал даже на бессубъектности мира деятельности и даже на том, что люди случайные эпифеномены миров мышления и деятельности³⁴. Психологи до таких высот объективации деятельности не поднимались. Напротив, удивлялись тому, что марксист Г. П. Щедровицкий не обратился к Марксу и не назвал деятельность *всеобщей* по аналогии с марксовым *всеобщим* трудом. Ее субъектом является человечество.

В некоторой степени возражения по поводу бессубъектности деятельности можно отнести и к «Психологии искусства» Л. С. Выготского. Может быть даже скорее к ее замыслу, чем к исполнению. В «Предисловии» к ней автор пишет: «Мы пытаемся изучать чистую и безличную психологию искусства, безотносительно к автору и читателю, исследуя только форму и материал искусства»³⁵. Слава Богу, полностью реализовать такой «бессубъектный» замысел ему не удалось. Его «социологизаторские» интенции по ходу изложения сильно смягчились: «...чувство не становится социальным, а, напротив, оно становится личным, когда каждый из нас переживает произведение искусства, становится личным, не переставая при этом оставаться социальным»³⁶.

Психологов больше интересовали особые или отдельные, по терминологии А. Н. Леонтьева, виды, их структура, овладение ими и порождаемые ими новообразования. И здесь вклад Д. Б. Эльконина огромен и неоценим. Можно по-разному относиться к психологической теории деятельности в вариантах А. Н. Леонтьева и С. Л. Рубинштейна, к претензиям теории на статус главного объяснительного принципа в психологии, но невозможно преуменьшить значение эмпирических и экспериментальных исследований деятельности и действий, рассматриваемых в качестве предмета исследования.

Д. Б. Эльконину принадлежит возрастная периодизация психического развития, в основание которой положен феномен ведущей

деятельности. Как детский и возрастной психолог он изучал в той или иной мере все возрасты и соответствующие им виды ведущей деятельности. Предложенная Д. Б. Элькониним типология ведущих форм, или видов ведущей деятельности сохранилась до настоящего времени, пожалуй, за одним исключением. Согласно Д. Б. Эльконину ведущей деятельностью подростка является интимно-личностное общение. Этот тип деятельности невозможно унифицировать и нормативно определить. Поэтому в советское время демагоги от психологии заменяли интимно-личностное общение на общественно-значимую деятельность и даже на общественно-полезный труд. Более органичным и соответствующим варианту Д. Б. Эльконина является версия Б. Г. Мещерякова: «Подросток — это существо, которое имеет право самостоятельно искать и выбирать тип и вид ведущей деятельности. Единственная деятельность, которая может претендовать на адекватное соответствие своеобразию социальной ситуации развития подростка, — это *деятельность самоопределения*. Беда только в том, что увидеть это мешает традиция рассматривать самоопределение “по ту сторону” от деятельности»³⁷. В деятельности самоопределения большой удельный вес занимает *деятельность* диалогического по своей природе сознания, а, соответственно, и интимно-личностное общение.

В сфере психологии деятельности главные достижения Д. Б. Эльконина связаны с *миром* детской игры и с *миром* учебной деятельности. Надо ли говорить, что они тоже существуют объективно! Изложение (и анализ) этих исследований Д. Б. Эльконина далеко вышло бы за пределы разумного объема журнальной публикации. Они получили мировую известность и в этом не нуждаются.

Вернемся к вопросу о том, что затрудняло понимание Д. Б. Элькониним культурно-исторической психологии Л. С. Выготского, развитию которой он посвятил всю свою научную жизнь, и от которой он никогда не уходил, как это бывало с некоторыми другими учениками и последователями Л. С. Выготского. Напомню, что неклассичность этого направления состоит в том, что аффективно-смысловые образования сознания существуют до и вне индивидуального сознания. Эта идея была отчетливо артикулирована Л. С. Выготским в «Психологии искусства», написанной им в конце 1910-х — начале 20-х годов, то есть задолго до знаком-

³⁴ Щедровицкий Г. П. Перспективы и программы развития СМД-методологии // Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. М., 1997. С. 569.

³⁵ Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1987. С. 9.

³⁶ Там же. С. 239.

³⁷ Зинченко В. П., Мещеряков Б. Г. Совокупная деятельность как генетически исходная единица психического развития // Психологическая наука и образование. № 2. 2000. С. 89. См. также: Мещеряков Б. Г. Логико-семантический анализ концепции Л. С. Выготского. Самара, 1998.

ства с Д. Б. Элькониным. Последний познакомился с ним через пять-шесть лет его в высшей степени энергичной и плодотворной работы в области психологии, когда проблематика психологии искусства отошла на второй-третий план его научных интересов.

Многие исследователи творчества Л. С. Выготского удивляются тому, что «Психология искусства» не была издана в середине 1920-х годов после защиты ее Л. С. Выготским в качестве кандидатской диссертации. Это едва ли объяснимо трудностями издания. В то время выходило много книг по психологии, в том числе была издана «Педагогическая психология» Л. С. Выготского (1926). Видимо, у Л. С. Выготского были свои сомнения или основания для того, чтобы воздержаться от публикации «Психологии искусства». Об этом говорит и то, что книга практически полностью была готова к изданию. На ней был даже входивший в идеологические правила игры, но еще не обязательный марксистский налет, а также избыточный революционный энтузиазм относительно роли нового искусства в «переплавке человека», в формировании «нового человека».

Не исключено, что Л. С. Выготский совершенно сознательно воздержался от публикации «Психологии искусства» именно потому, что в ней, как справедливо заметил Д. Б. Эльконин, достаточно отчетливо выступала проблематика сознания, над которым в середине 1920-х годов начали сгущаться тучи. Сознание стали идентифицировать с «классовым нутром», а не с какими-то странными аффективно-смысловыми образованиями, которые нужно еще обнаружить в искусстве. В 1929 году, в год Великого перелома, вся страна вовсе лишилась сознания. Нужно сказать, что в любом случае — сознательно или случайно не была издана «Психология искусства» — задержка Л. С. Выготского спасла. Напомню, что М. М. Бахтин, А. Ф. Лосев, Г. Г. Шпет, в книгах которых присутствовали мотивы о сознании, были репрессированы, а Г. Г. Шпет, в конце концов, расстрелян.

Л. С. Выготский в 1930-е годы сам смог убедиться, что задержка с изданием книги себя оправдала. Его подвергали критике за «грехи» существенно менее тяжкие, чем сознание. Ортодоксам не нравилась переоценка роли значения, знака, культуры в психическом развитии, так как все они, по мнению критиков, больше связаны с сознанием, а не с материальной деятельностью людей.

Так или иначе, но издание «Психологии искусства» задержалось почти на сорок лет. Она вышла в свет лишь в 1968 году. Значит Д. Б. Эльконин смог впервые познакомиться с ней после своей тридцатилетней энергичной и плодотворной работы в психологии. Но и спустя десять лет после выхода «Психологии искусства»

в его фундаментальной книге «Психология игры» (1978) на нее нет ссылок, она отсутствует в перечне литературы. Это не значит, что Д. Б. Эльконин утратил интерес к своему учителю. В разделе «От автора» подробно рассказано, какое влияние оказал Л. С. Выготский на Д. Б. Эльконина вообще и на разработку им проблем психологии игры в частности. В «Приложении» к книге приведены выписки из конспекта лекций Л. С. Выготского по психологии детей дошкольного возраста. Так что учитель не забыт, как не был забыт он А. В. Запорожцем и А. Р. Лурией, которые тоже не уделили «Психологии искусства» должного внимания. У них ссылки на эту работу носили преимущественно формально-биографический характер.

Д. Б. Эльконин предложил нам своего рода гештальт не только научной биографии, но и теории Л. С. Выготского. Он кратко выразил то, что я старался показать в этом длинном тексте: «...разрабатывая проблемы психологии искусства, Л. С. Выготский одновременно создавал общую схему исследований в объективной психологии, связывая ее суть и ее смысл. Я называю это неклассическим подходом к психологии. И с этой точки зрения, Л. С. Выготский является основоположником неклассической психологии — психологии, которая представляет собой науку о том, как из объективного мира искусства, из мира орудий производства, из мира всей промышленности рождается и возникает субъективный мир отдельного человека»³⁸. Далее Д. Б. Эльконин пишет, что лишь в этом контексте следует рассматривать постановку и разработку Л. С. Выготским проблем, связанных с ролью символа-знаковых систем в становлении человеческого сознания, с определением содержания и функций знаковых операций в этом процессе.

Интересно, что почти теми же словами П. Я. Гальперин выразил надежду на то, что психология когда-нибудь станет объективной наукой о субъективном мире человека, не заметив при этом реального вклада Л. С. Выготского в осуществление этой надежды. В «Методологических тетрадах» А. Н. Леонтьева мы также встречаем расширение понятия «объективное»: «Психика как субъективность входит в объективную реальность, независимо от познания ее (психики!): психика существует до психологии!»³⁹

Независимо от того, заметил П. Я. Гальперин вклад Л. С. Выготского или нет, существенно то, что и он, и Д. Б. Эльконин вольно

³⁸ Эльконин Д. Б. Об источниках неклассической психологии // Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М., 1989. С. 478.

³⁹ Леонтьев А. Н. Философия психологии. М., 1994. С. 262.

или невольно, но одинаково решительно перевернули абсолютную идеалистическую формулу: психика есть субъективное отражение объективного мира, — оправдывающую любой произвол: мир такой, каким я его вижу, каким я его хочу видеть, каким я хочу, чтобы видели его окружающие... В формуле — психология есть объективная наука о субъективном мире — нет места произволу, зато есть место человеку и его богатейшему субъективному миру. А насколько верно или ошибочно он отражает объективный мир, отгораживается и бежит от него или стремится его изменить — это дело его личной судьбы, свободного выбора и обстоятельств.

По отношению к мирам языка, мышления, деятельности справедливы размышления Г. Г. Шпета, изложенные в статье «Сознание и его собственник» (1916). В самом начале он замечает: «Факты обнаружения психической деятельности человека в его восприятии или активном действии приписывают *душе* как носителю душевных сил и состояний человека, что приводит к определению самой души как нового значения я»⁴⁰. Термин «я» оказывается синонимом не только души, но и личности, индивида, собственного имени, имрека. Шпет иронизирует: «Полагают, что достигли Бог знает какой широты, если позволяют себе называть “я” не только “душу”, но и “психофизиологический организм” и при случае даже одетый в платье организм»⁴¹.

Шпет настаивает, что всякое «я» есть «собственное», уникальное, единственное. Но отсюда и соблазн говорить «мое сознание», «мое мышление», «моя деятельность», «моя душа» и т. д. Чье же мышление, сознание, чей язык на самом деле? Ответ Шпета на вопрос, кто собственник сознания, справедлив и для аналогичного вопроса о мышлении: «Если мы под сознанием и его единством понимаем *идеальный* предмет, т. е. рассматриваем его в его сущности, то лишено смысла спрашивать *чье* оно: к сущности я может относиться сознание, но не видно, чтобы к сущности сознания относилось быть сознанием я или иного “субъекта”»⁴². Иное дело, что «я» может быть носителем сознания, в том числе и своего индивидуального сознания, своего мышления, своей глупости, наконец. Эта мысль не нова. Шпет ссылается на Л. Леви-Брюля и Э. Дюркгейма. Последний писал, что образы действий, мысли и чувства представляют то замечательное свойство, что они существуют вне инди-

⁴⁰ Шпет Г. Г. Сознание и его собственник // Шпет Г. Г. *Philosophia Natalis*. Избранные труды по философии культуры. М., 2006. С. 264.

⁴¹ Там же. С. 297–298.

⁴² Там же. С. 306.

видуальных сознаний⁴³. Точно так же, как идеальная форма вещи существует вне самой вещи, что не уставал разъяснять Э. В. Ильенков. Есть и более древние источники, которые интересно проследивает С. С. Аверинцев⁴⁴. Эти утверждения не отрицают возможности существования индивидуального или общего единства сознания. Другой вопрос, насколько такие единстваознаваемы, способны к автономии, к свободе, к развитию и саморазвитию. В какой мере индивидуальное сознание способно черпать из «ничейного», или чистого сознания, из «ничейного» языка, зависит от него самого. От него же зависит внушаемость, подверженность манипулированию со стороны.

Надеюсь, беглость изложения некоторых вех научной биографии Д. Б. Эльконина не помешала читателю заметить, что его исследования, посвященные овладению ребенком словом, речью, мышлением, игровой, учебной деятельностью полностью соответствовали исходному замыслу Л. С. Выготского, который Д. Б. Эльконин, по его словам, не понимал и, в конце концов, обнаружил в «Психологии искусства». Как любил говорить А. В. Запорожец, Д. Б. Эльконин виновен, но заслуживает снисхождения. Этот замысел с такой отчетливостью, как он, не выразил никто из учеников и последователей Л. С. Выготского, включая участников «тройки» — А. Р. Лурию и А. Н. Леонтьева. Справедливо говорят, что большое видится на расстоянии, и мы должны быть благодарны Д. Б. Эльконину, что он *имел мужество жить долго* (И. В. Гёте). Он единственный из прямых учеников Л. С. Выготского, кто увидел изданным его шеститомное «Собрание сочинений» смог бросить ретроспективный взгляд на содеянное им.

Естественно ожидать вопрос читателя: а что, собственно, нового добавляет подобная трактовка культурно-исторической психологии, ключевые слова которой — «опосредствованность», «инструментальность», «орудийность»? Кстати, и Л. С. Выготский называл произведения искусства орудиями общества, называл орудиями слово, знак, символ. Я и сам дополнял список средств-медиаторов, которыми оперировал Л. С. Выготский, другими средствами, такими как смысл, миф, лик, а также медиатором-персоной, или персональным медиатором. Не являются ли, например, различия между словом-средством и миром языка, искусством-орудием и миром аффективно-смысловых образований, медиатором-персоной и

⁴³ Durkheim E. Les Règles de Méthode sociologique. 6 éd. Ch. I. Цит. по: Там же. С. 307.

⁴⁴ См.: Аверинцев С. С. София—Логос. Словарь. Киев, 2000. С. 159.

миром человеческих отношений, мышлением-функцией, новообразованием и миром мышления чисто лингвистическими, не имеющими принципиальной разницы для психологии, в том числе и для культурно-исторической? Думаю, что во всех перечисленных случаях различия подобны различиям между психическим и культурным, духовным развитием. Трудно спорить с тем, что особенно к последнему академическая психология почти не прикасалась. Одно дело усвоить, нередко путем импринтинга некоторые знаки и символы, а другое — овладеть миром символов, научиться дистанцироваться, отказываться от них, расшифровывать, разоблачать, научиться проникать в их безбрежную внутреннюю форму.

Сказанное, конечно, относится не только к объективно существующему миру аффективно-смысловых образований, к миру искусства, но и к мирам языка, мышления, сознания, деятельности, к миру человеческих отношений. Овладеть внешними средствами (орудиями, медиаторами, артефактами и т. п.) культурного развития, превратить их во внутренние средства и способы культурного поведения и деятельности крайне важно и нужно. Не менее важно и нужно суметь увидеть, открыть для себя скрытые за внешними средствами и орудиями миры. Посох, — при всей его полезности, — не самоцель, а средство путешествия и знакомства с миром (у С. Есенина посох — он же и светильник!). В таких путешествиях человек создает собственные миры и хорошо, если он сохраняет их открытыми. Конечно, такие миры субъективны. По словам первого учителя Д. Б. Эльконина А. А. Ухтомского, это такое субъективное, которое не менее объективно, чем так называемое объективное. Расширение понятия «объективное» путем включения в него реальности субъективного есть условие построения психологии как объективной науки о субъективном мире человека. И здесь достижения научной школы Л. С. Выготского в целом и одного из наиболее ярких ее представителей Даниила Борисовича Эльконина трудно переоценить.

Василий Васильевич Давыдов: личность и деятельность

Природа наша делаема.
А. А. Ухтомский

Печален я: со мною друга нет.
А. С. Пушкин

Саморазвитие духа

Василий Васильевич Давыдов родился в 1930 году 31 августа, и меня не оставляет чувство, что уже 1 сентября он пошел в школу. В школе он и умер. Ученье во всех смыслах этого слова было делом его жизни и страстью. От нас ушел очень хороший человек. Яркий, талантливый. Сегодня нам только кажется, что мы знаем, кого мы потеряли.

Более шестидесяти лет тому назад после окончания школы рабочей молодежи Василий Васильевич поступил в МГУ им. М. В. Ломоносова на отделение психологии философского факультета. Академик И. П. Бардин — металлург — очень сокрушался, что его лаборант Вася Давыдов не пошел по его рекомендации в Московский институт стали и сплавов. Психологии помог случай. Вася после выпускных экзаменов в школе, получив золотую медаль, поехал в деревню на родину своей мамы и познакомился там с отдыхающими москвичами. Те, присмотревшись к медалисту-абитуриенту — будущему металлургу, убедили его в том, что он обладает недюжинными способностями к гуманитарным наукам. Жаль, что имя этих проницательных людей утрачено.

Академик Т. И. Ойзерман очень сожалел, что психолог Давыдов после окончания университета не поступил к нему в аспирантуру на кафедру зарубежной философии. Цвет российской философии — Э. В. Ильенков, П. В. Копнин, Б. М. Кедров, М. К. Мамардашвили, Э. Г. Юдин, как и многие ныне здравствующие философы, считали его за своего. Каюсь, я однажды воспользовался его философской эрудицией. Мне нужно было срочно подготовить реферат по философии к кандидатскому экзамену. Порывшись в глубинах собственного духа, я не нашел там ничего сколько-нибудь стояще-